

ся о ней худо. Во всяком случае, в письменном виде. Но, может быть, с Анной Григорьевной он более откровенен? И, может, именно здесь сокрыт источник той информации, которой впоследствии поразит публику добросовестная Любовь Федоровна?

Надо ли ставить памятник бывшим женам?

«Я пробовала расспрашивать его об умершей жене, – сдержанно замечает в своих мемуарах Анна Григорьевна, – но он не любил о ней вспоминать. Любопытно, что и в дальнейшей нашей супружеской жизни Федор Михайлович никогда не говорил о Марии Дмитриевне».

Это не совсем так.

О том, что автор «Игрока» был женат, Анна Григорьевна узнала еще во время их совместных диктовок, в октябре 1866 г. Через год в своем женевском стенографическом дневнике она вспоминает, как Достоевский тогда сказал ей, что его жена «была страшная ревнивица», и продемонстрировал ее портрет. Изображение Анне Григорьевне не понравилось – «какая-то старая, страшная почти мертвая». Достоевский объяснил, что фотография сделана за год до смерти. Автор дневника добавляет, что первая жена «очень злая и раздражительная; по его рассказам это видно тоже, хотя он и говорил, что был с нею счастлив».

Итак, речь о Марии Дмитриевне все же заходила – и тогда, в период знакомства, и сейчас, когда заканчивался первый год их супружества. И если Врангелю можно признаться, что они с Марией Дмитриевной были «положительно несчастны вместе», молодой жене знать об этом совершенно необязательно. По *официальной* версии – первый брак удался.

«Сегодня мы говорили о его прежней жизни и Марии Дмитриевне, – понятными только ей стенографическими знаками записывает Анна Григорьевна, – и он толковал, что ей непременно следует поставить памятник». Это намерение не нравится Анне Григорьевне («Не знаю только, за что?» – искренне добавляет она), ибо за *предшественницей* не признается каких-либо особых заслуг. Далее следует фраза еще более замечательная: «Федя толковал, что его похоронят в Москве, но так решительно не будет». Та, которой предстоит прожить с Достоевским еще тринадцать лет, точно знает, с кем рядом ему положено лежать. Они должны покоиться вместе. Так оно в конце концов и случится, хотя путь к этому окажется совсем не таким простым, как ей представлялось.

Анна Григорьевна приводит в дневнике одну любопытную подробность. Она говорит, что, касаясь прошлого, муж рассказывал ей «о своих изменах». И в связи с этим осудительно замечает, что если бы он любил первую жену, то не стал бы ей изменять. Иначе «что это за любовь, когда при ней (очевидно, при жене? – И.В.) возможно любить и другого человека, да не только одного, а нескольких». Интересно, что в этом рассуждении об «изменах» употреблено множественное число – вероятно, наряду с А.П. Сусловой могли называться другие, неведомые нам имена. Неудивительно, что, когда Достоевский получает за границей письмо от «друга вечного», мучимой ревностью Анне Григорьевне начинает мерещиться, что Сулова самолично явилась в Швейцарию, «и вот они оба считают, что могут обманывать меня, как прежде обманывал Марию Дмитриевну». О том, что Мария Дмитриевна могла обманывать Достоевского, Анна Григорьевна не упоминает нигде – ни в дневниках («зашифрованных» так, что можно было не опасаться нескромного взгляда), ни в письмах, ни в каких-либо записях «для себя». Учитывая крайне раздражавшее ее обстоятельство, что свою первую жену Достоевский имел обыкновение ставить ей в пример (очевидно, в воспитательных целях), она не преминула бы зафиксировать столь впечатляющий *компромат*. Тем более что со временем муж стал с ней вполне откровенен.